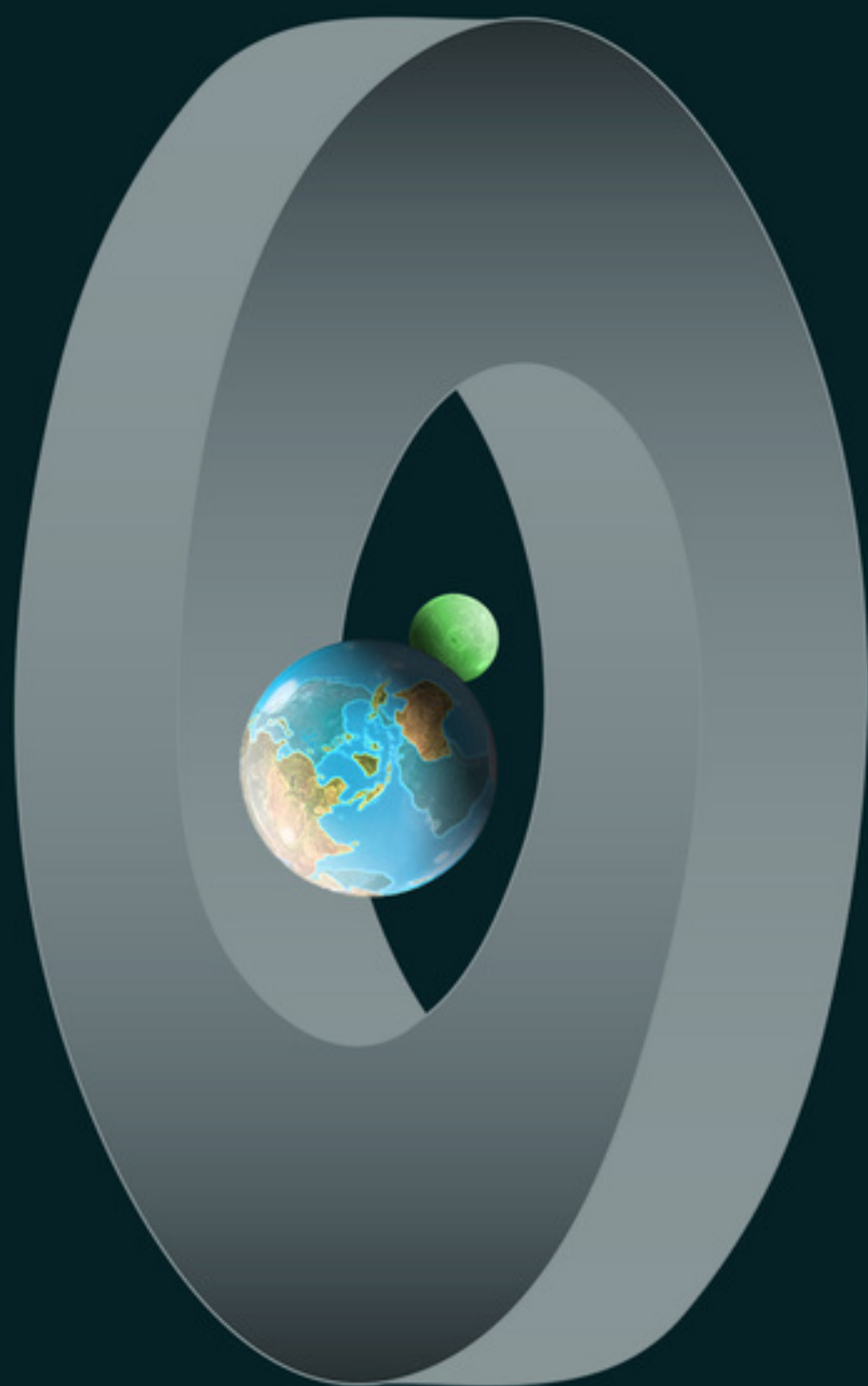

НА ПЕТЛЕ ВРЕМЕНИ

ДМИТРИЙ
БАРАБАШ

Дмитрий Барабаш

На петле времени

«Accent Graphics communications»

2014

Барабаш Д.

На петле времени / Д. Барабаш — «Accent Graphics communications», 2014

Книга «На петле времени» Дмитрия Барабаша – поэтическая оценка настоящего с точки зрения вечного. Трудный вымысел мой несущественней уличной пыли. В сладком или, как в Ниле петляют иные миры, о которых боясь и смеясь на земле говорили всякий раз, когда плыли под черной водой корабли. Когда скат поднимал из песка иероглиф сознания, нарисованный бликом восхода в хрустальной волне – на губах ощущалась улыбка всего мироздания и всех будущих жизней, уже воплощенных во мне.

Содержание

Стихотворения	5
Под черной водой	5
Встреча	6
Секрет пророка	7
Апоэтичное	8
Смысл жизни	9
11 сентября	10
Сумеречная зона	11
Литература	12
1001 ночь	13
Русские народные	14
Поэзия	15
Время тайных убийств	16
Бал литературы (бесы)	17
Лояльность	19
Океан	20
Про зрение	21
Разговор с Россией	22
Кораблик	23
Привет, Маркес!	24
Круг	25
Трудно быть богом?	26
О Русь!	27
Нарру end	28
Доказательство	29
Игрушка (Гамлет на том свете)	30
Обратная речь	31
Игра	32
Пограничная собака	33
Отыгрыш	34
Кыргызская стрекоза	35
Россия	36
Кома	37
О вечной жизни	38
Повторения	39
Турецкий чай	40
Между двух гробов	41
История	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Барабаш

На петле времени

Стихотворения

Под черной водой

Трудный вымысел мой несущественней уличной пыли.
В сладком или, как в Ниле петляют иные миры,
о которых боясь и смеясь на земле говорили
всякий раз, когда плыли под черной водой корабли.
Когда скат поднимал из песка иероглиф сознания,
нарисованный бликом восхода в хрустальной волне —
на губах ощущалась улыбка всего мироздания
и всех будущих жизней, уже воплощенных во мне.

Встреча

Не оборачивайся, не ищи никого за спиной.
Это я говорю.
Это ты говоришь со мной.
Ты все правильно слышишь —
под строчками твои мысли. Твои слова,
как под кожей, под ребрами
пульсируют почками,
набухая к весне,
изгибаются как трава,
прорастая сквозь землю
лютиками-цветочками.
Если ты задержался здесь, знай
— я тебе внемлю.
Я и сам много раз находил такие слова,
словно лаз в кустах между пышных фраз,
между лживых эпитетов.
Ты идешь на свой голос, видя то,
что я видел прежде.
Видя то,
что мы видим вместе,
спустя лет двести.

Секрет пророка

Какое время ни возьми —
всегда кончается эпоха.
И оттого живется плохо,
и много суетной возни.
А если нам от звеньев тех
времен немного отдалиться,
то выясняется, что длится
цепь одинаковых потех.
Она одна – от время оно.
Одна за все, одна на всех.
Всегда предчувствие конца,
как предначертанность начала,
земных пророков удручало
лукавой колкостью венца.

Апоэтичное

Туманы, выси, лютики в стихах
лелеют плоть, как фиговы листочки.
На вывихах из «ха» выходят «ах»
и волосками прорастают строчки.
Коль чувствам праведным предписано звенеть
в укор цинизму шуток безвременных,
щелчок строки не должен гнать как плеть
рабов возвышенноколенипреклоненных,
ползущих по Москве ли, по Перу,
по сорок лет петляя по пустыне.
Поэзия подобна комару
без имени, родившемуся в тине
чумных веков, проказистых болот,
ландшафтов лунных, марсианской топи,
запястьям острострелых позолот
и устрицам в малиновом сиропе,
скрипящим там, где скука вялит бровь
девицы, отслужившей слизь созданья.
Поэзия – комарная любовь
к венозной коже, первое касанье
с искусом истины, скребущей словно зуд
земных страстей под листьями распутиц.
И запах прений, как священный суд,
в распахнутые окна льется с улиц.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Итак, земля опять
тревожит наше зренье.
Переполох людской
Шекспиру помешал
сонет закончить в срок.
Так может этот шар
с их мировой войной
стереть?!
Ан Моцарт ловит ноту...

11 сентября

Поэтический штамм.
Близнецов и взорвали за то,
чтобы рифмой стеклянной
железобетонное небо
не дробили в стрекозьем,
квадратно-экранном зрачке.
Близнецов и взорвали за то,
что, не ведая срама,
нам мортáли сальтó
и сортами мальтийских крестов
переплавили в радугу
каплей бензина полужью,
по забвенью земли
и сведению к точке небес.
Близнецов и взорвали за то,
что из колбы исчез
поэтический штамм,
обнуляющий мысль до начала.
Близнецов и взорвали за то,
что земля означала
путь единственный свой
по никем неведóмой оси.
Слово – Слову в лицо!
Близнецов и взорвали за это.

Сумеречная зона

Изобретая область тьмы,
вы открываете для света
то, что, наверное, должны
скрывать по логике сюжета.

Литература

Литература с бахромой
торшера или абажура,
у строгой дамы, за стеной...
Литература.
Я к ней на сахар и на чай
крадусь и, словно невзначай,
касаюсь кончиком сандали
узорной кованной педали
машинки «Зингер» под столом.
Я вижу, как она углом
шпионски скошенного глаза,
очки возвысив надо лбом...
Все остальное прячет ваза
с конфетами и толстый том.
Я точно знаю – это сказки!
И вот уже с набитым ртом
липучих шеек, хрустных мишек
я в мире бабушкиных книжек
пропал, не ведая о том.

1001 НОЧЬ

Тысяча и одна ночь —
меньше трех лет.
С востоком всегда непонятно
где договорено — где нет.
Были ли между ночами
немые ночи?
Чья сказка была длиннее,
а чья короче?
Он ли сумел дослушать,
она ли досказать?
Или же душа в душу —
в одну кровать?
Своды дворцов восточных
дышат насквозь
звездами.
Все, что приснилось, —
тут же почти сбылось.
Тайны персидские — сказками —
в твоих глазах.
Не забудь повернуть между ласками
жизнь в песочных часах.

Русские народные

Русские детские сказки
Писались по чьей-то указке
Русские детские сказки
Цензуре дырявили глазки
Очень нерусский редактор
Ездил по сказкам как трактор
Пели-плясали старухи
Песенки красной прорухи
Танцы кромешной концовки
И хохотали плутовки
Страшные русские сказки
Чертом глядят из-под маски
Черным по белому взором
Номером и приговором
Русские добрые сказочки
С посвистом словно салазочки
В дали Сибири не сказочной
В теплое лоно подрясочной
Русские славные сказищи
С лаем выводят на пастбище
Чтобы реальность казалась
Жуткой лишь самую малость.

Поэзия

Поэзия в любые времена,
в любые исторические бури,
в любые штиты – только имена
мелькнувшей жизни и отважной пули,
которую ожившая мишень
отринула от окончания рода.
Поэзия – нечаянная тень,
случившегося вовремя восхода.
Струится слово светом сквозь силки,
играется с коварством паутины,
и пауки – следят, как пастухи,
за звездами из тленной середины
вселенских пут и стрекота секунд,
перебирая золотые снасти.
Прищурю вечности смешон минутный бунт
прощальной старости, развеянной на страсти.

Время тайных убийств

Время тайных убийств
без судов и следствий.
Просто пуля в затылок —
и все дела.
Просто у самолета —
перелом крыла.
Просто нашествие
стихийных бедствий.
Мы еще вспомним Сталина
с его шарашками.
Неприкрытую подлость
глаза в глаза.
Мы еще вспомним Брежнева
с Чебурашками,
взлетающими
в олимпийские небеса.
Человек в России звучит страшно,
как окончательный приговор.
Все остальное уже не важно.
Мы чувствуем правду в упор.
Таких времен не бывало прежде.
Цинизм вывалился, как кишки.
О какой же, милые, вы, надежде?
Про какие ж, милые, вы, стишки?
Сверкает лезвие брадобрея,
скользит по аорте то вверх, то вбок.
И все-таки, чем человек добрее,
тем уязвленнее будет Бог.

Бал литературы (бесы)

Десять безумных веков
на наборном паркете.
Бал начинается.
Дайте ж, красавица, руку.
Скоро приедет палач
в золоченой карете.
И раз два три, раз два три,
раз два три, раз два три.
Бал начинается
и по кровавому кругу.
Ах, Александр Исаевич, не говори...
Вспомнят ли
первопричинную литературу
мутные витязи
праздничных будней России.
Бубном ударят по черепу
полускульптуру
с даунским взглядом
великого полумессии.
Бал начинается.
Войско стоит при параде
в дряблой юфти,
скрыв свои пролетарские ноги.
Ты насвисти-ка с обложки
старинной тетради
музыку гимна народа
с разбитой дороги.
Кольца спирали, чем дальше,
тем уже и уже.
Хуже не будет, казалось,
ведь не было хуже.
Страх из потемок души
выбирался наружи,
в ружья, в стволы,
в позабытые ликами рожи.
Ах, Александр Исаевич,
все же негоже
телеэкран декорировать
патиной меди.
Время давно почивать
на заслуженном ложе
в лаврах, на шкуре
облитого солнцем медведя.
Музыка грянет,
и цокнут смоленой резинкой

рваные полчища
литературных громил.
Будет цветочница бегать
с плетеной корзинкой
между мазурок
танцующих с небом могил.
Все бесконечное
проистекает впервые.
Все безусловное сказано тысячу раз.
Не зеркала, к сожалению,
стали кривые,
а перекрестья различных
сословий и рас
так изменили черты,
означавшие лица,
что не прочесть ни ума,
ни стремленья к уму.
Бал начинается – оп-ца-ца, лан-ца-ца, дрица —
и предвещает грядущему веку чуму.
Шаркнет подошвой
по лаку наборных паркетов
новый начальник, вершитель,
наместник, стрелок.
Словно сошедший с грунтовки
кровавых багетов.
Как безошибочно точен в России пророк!
Нет. Не понять. Не поверить.
И не обознаться.
Не изменить. Не поправить.
Не выдержать штиль.
Только с затекших по горло
колен приподняться
и написать о правах обреченного билль.
Бал начинается.
Скоро потянутся в книги
странники мраморных станций
столичных метро.
Что там творится? Наверное,
снова интриги,
снова война и, наверное,
слово не то?

Лояльность

Мне говорят: кончай ругать царей.
Да я ведь их ни капли не ругаю.
Я б им своих отсыпал козырей,
но в той игре с моими не канаю.
Я сам бы им задор воткнул в зрачки,
подкинул бы живого интересу.
Значков хотите? Нате вам значки.
И всем деньжищ, какого хочешь весу.
Чтоб только роль унылую свою
они несли голов с плечей не нуря.
Я даже подсюсюкну, подпою,
строкою неуклюжей подхалтура,
но мыслей в те надутые уста
вложить, как ни стараюсь, не сумею.
Я лучше снова улыбнусь с креста
далекой мачты, опершись на рею.

Океан

Не может капля быть твореньем Океана.
Все облака в любом конце земли —
его рука, щека, всевидящее око.
И оттого Ему темно и одиноко.
И потому горчит Его вода.
Казалось бы, Он – Царь,
Он – вездесущий Бог,
Он управляет жизнью, вьет стихии,
Он мыслит землю, джунгли и дворцы,
безумный пир, монашескую келью.
Во что ни бросит взор – то обретает плоть
иль исчезает под волной бурливой.
Все это – Он.
Так пусть родится хоть
щегол какой-нибудь, своею прихотливой,
ему пока неведомой судьбой.
Он все глаза рукой ночей прикроет.
Разразится штилем. Разгонит тучи.
Остров и гнездо – уже готовы.
Он промолвил слово!
Неслыханное прежде.
Он взглянул без страха в пропасть моего величья.
Он сочинил блистательную трель.
Я океан всего лишь. Это птичья
земля!
И смысл мира в ней.
Но вот в его зрачке задорном
скользнула тень моих вчерашних дум.
Он повернулся. Он уже не юн
и по волнам моим кочует альбатросом,
и сочиняет нового певца,
чтобы зажмуриться,
чтоб не спугнуть начала.

Про зрение

С чего начинается зрение?
С плывущего блика во мгле.
С тоски колыбельного пения.
С березы в соседнем дворе.
Ствола неохватно-бугристого.
С верхушки, качающей свет,
и синего, чистого-чистого —
красивей которого нет.
С чего наступают прозрения
до слов, до мелодий, до лиц.
со встречи творца и творения,
глядящего из-за глазниц.

Разговор с Россией

Россия-мать разведена с отцами.
Отцы трясут могучими концами,
но нет России дела до отцов.
И до детей, распущенных из чрева,
и до того, кто скажет: «Слушай, дева,
зачни хоть раз без этих подлецов.
Зачни бесстрастно, чисто, беспорочно,
как будто ты Иосифа жена.
И вот тогда, я это знаю точно,
ты вылезешь из вечного дерьма».
Но отвечала мудрая Россия:
«Я не хочу. Ты лучше изнасилуй,
чтобы фингал, чтоб кровь,
чтобы свобода,
чтобы проснулась совесть у народа,
и он пошел спасать меня от разных
несоразмерных, строгих, буржуазных,
непьющих, озабоченных делами,
иди ты сам, любезный, к Далай-ламе
и не мешай мне чувствовать восторг,
от улицы, закрученной спиралью...
от трех углов. От слов,
налитых сталью,
от утреннего звона куполов,
от тех основ,
которые как прежде
дают надежду каждому невежде,
от лени той, от созерцаний тех,
с которыми ни слава, ни успех,
ни гений кропотливый не сравнятся.
Мои порядки сводят иностранца
с ума... А ты мне предлагаешь путь,
в котором нет дороги для народа
и для меня. Нелепая свобода
железных истин, жизни без труда
духовного – лишь видимость достатка,
в которой все проходит без остатка».

Кораблик

Так лютует зима,
что и кактус в цветочном горшке
согревает и дарит приятное летнее эхо.
От решающих дней мы зависли в соленом вершке,
на разминочный кашель,
на «к-хе» от последнего смеха.
Словно сделали круг и, взлетев над самими собой,
мы застыли в пространстве,
почти что не чувствуя время.
Смотрим вниз и любимся ровной,
как шпага судьбой.
И землей голубой.
Облака перламутрово пеня,
голый мальчик в тазу запускает кораблик рукой
и волну нагоняет, смеясь над подобием бури.
Озираемся рядом. И видим,
что кто-то другой,
на планете другой,
в человеческой ежится шкуре.

Привет, Маркес!

Глаза открываются двумя восьмерками —
здравствуй, площадь вечности,
привет, привет.

За моей спиной сто лет одиночества —
сто колец на столешнице
нарезаны временем,
на письменном стволе
жизни.

Земля – эрогенная зона личности,
ее величественной фаличности.

Земля – вагинальная щедрость тепла,
которая впитывает тела.

А дальше – лишь свет в направлении тьмы,
и страстные сказки выводят умы
на поиски истин, на трепет гармоний
от ласковых губ и шершавых ладоней.

Круг

Мне шепнули, что я должен выиграть какую-то битву,
на роду мне написан великих свершений венец.
Мое имя вплетут в мирозданье, запишут в молитву,
и я стану пророком и Богом Богов, наконец.
Мне закрыли глаза двух ночей безупречные шоры,
мне к бокам примостили дощатую выдержку стен,
и, казалось, в ногах не опилки, а древние горы
ледяными вершинами тянутся к дрожи колен.
Сколько лет в этом стойле овсяном, соломенном, хлебном
вариации мыслимых жизней слагались в одну.
И по ней проскакав, я сливался, как облако с небом,
и срывался, как тень с облаков, к океанскому дну.
Мне предписан был бег по какому-то смутному кругу,
рев арен, звон монет и трусливые рвения шпор.
Я прийти должен первым куда-то и эту заслугу
мне принимают при жизни, а после поставят в укор.
За бесчисленность дней, или что там текло за глазами,
я сумел сосчитать все песчинки на трассе своей.
Я прошел ее первым, последним, скрипучим как сани,
стертым в пыль от копыт до горячего пара ноздрей.
Все интриги трибун, всех менял и карманников трюки,
всех властителей дум, все царапины нищенских рук,
даже каждую муху, скрестившую лапки на брюхе,
все оттенки реальности, каждый случавшийся звук...
Вот меня по бедру кто-то хлопнул горячей ладонью —
мол, пора, выходи – твой единственный, главный забег!
И откуда-то сверху, увидев судьбу свою конью,
я заржал, все и вся, как на свет,
поднимая на смех.

Трудно быть богом?

Трудно быть йогом
в православном храме.
Трудно быть рогом
изобилия в женской бане.
Трудно быть стогом
сена, в котором люди
громко хохочут, хватая друг друга за муди.
Трудно быть соком
березовым на исходе
весны, который уже бродит,
становясь гуще и горше
слезы сосны.
Трудно быть итогом, чертой, приговором, пулей,
последней пчелой,
к закату летящей в улей.
Богом не трудно. Чего там осталось Богу?
Лечь на завалинке, глядя больную ногу.

О Русь!

Я не могу свести концы
с началами, о, Русь!
Я сам себе гожусь в отцы
и в матери гожусь.
И ты мне дочь,
и я, точь – в точь,
тот византийский поп,
который падал, словно ночь,
в сияющий сугроб.
А если по его следам —
до каменной волны,
то там – сезам или седан
клокочущей войны,
Везувий, бьющий из трубы
сторожки лесника,
и дым струящейся судьбы
сквозь скучные века.
Тибетских скал простой секрет
тебе открыт давно.
За краем света – тот же свет,
и только там темно,
куда еще не бросил взгляд,
не повернул лица.
О, Русь моя! Я снова рад
и счастлив без конца.

Happy end

Как это здорово, читая,
придумывать другой сюжет,
с героем вместе оживая,
пронзив неправильный портрет,
впитавший ложь, ужимки, скуку,
как пресс-папье чужой души.
– Скорее, Грей, ты видишь руку?
Вставай! Ступай и не греш.

Доказательство

ни одна из теорем недоказуема
ни одна из аксиом не безусловна
потому что валуны акулами
плавники летающего овна
соколиной царской охотой
по степям монгольским ужас сеяли
если бы хотя бы одной сотой
одной тысячной излучиной поверили
в то что теоремы римы ремы ромулы
рамазаны рекруты лабазники
аксиомы синусы окрониксы
костыли кресты и клецки с сахаром
вата сладкая и добрый клоун с голосом
алкаша в камерке за кулисами
бабы вереницей с коромыслами
в ведрах теоремы с аксиомами
с вольтами рентгенами и омами
словно птицы клином в даль туманную
в даль скрипучую бубенчатую санную
с ямщиком с навозцем с краснощеками
в термах да принцы с аксельбантами
никакими теслами и гантами
что аршином что косою саженью
Жизнь недоказуема, но каждому.
Жизнь не безусловна, а поди же ты!
В суше, в жиже, вшивы, лживы,
живы же?

Игрушка (Гамлет на том свете)

Так быть или не быть?
Смотрю я на тебя
и знаю, как и ты,
ответы на вопросы.
Что мне в твоей привычке бытия
мои всегда открытые прогнозы?
Другой вопрос: так быть или не быть
в тебе сегодня?
Долго ли?
Доколе?
Куда-то плыть, кого-то снова бить,
страдать, любить, испытывая боли...
И весело, казалось бы, но так
осточертела замкнутая пьеса,
что хочется из ничего придумать страх
и пустоте придать немного веса.
Но знаю же, что, ложью ложь поправ,
я той же самой скуки сею семя,
и жизни мухами проносятся стремглав,
и, бантиком завязывая время
на девичьей макушке, слышу вновь
воркующую горлицу кукушки.
Закрой глаза, живи, не прекословь,
как подобает правильной игрушке.

Обратная речь

Вот и дождь прошел в конце января.
Купола, как зонтики над страной.
Бьются капли грустные, говоря,
что творят недоброе за стеной.
Речь течет обратно: урлы-курлы.
Солнце свет сливает, как водосток,
и хвостами по небу журавли
неумело пятятся на восток,
где багрянец зарева под луной,
словно смотрит строго бельмесый глаз
на страну, которую ты со мной
провожаешь ласково в оный раз.
Все пройдет, любимая, как дожди,
как дрожит под поездом твердь земли.
Ты прижмись теплее и расскажи,
как мы жили в сказочной той дали,
где леса не сохли, росли хлеба,
где красавиц юных в уме не счесть,
где за кромкой света искал тебя,
не надеясь даже и выжить здесь.

Игра

Я сам с собой —
над шахматной доской.
Один – за черных, а другой – за белых,
играем с беспросветною тоской
в людей живых и безупречно целых.
И, надо ж так, задумалась игра,
что взятые фигуры вновь рождаются,
и, кажется, доска уже кругла,
и ничего паршивцы не боятся.

Пограничная собака

Л.А. Аннинскому

Пограничная собака
между небом и землей
не испытывает страха,
зная, что и свой – не свой.
Эта странная граница,
этот острый горизонт:
сбоку тонкая страница,
разрезающая фронт
отражения и яви,
пустоты и красоты.
Пограничники не вправе
прятать голову в кусты!
Что же делать, если море
с небом вместе по ночам
поднимает, словно горы,
волны к солнечным лучам?
Что же делать, если пена
бьется в берег с облаков?
Разве можно только верить
в прелесть наших берегов?

Отыгрыш

Почти нешуточная драма —
француз, безумие, дуэль.
Как свет на холст киноэкрана,
ложились тени на постель,
на силуэт в свечном испуге,
на женский всхлип и вьюги вой.
Из-за кулис, ломая руки,
кто потешался над собой?
С улыбкой левого прищуря,
сурово целя правый глаз,
наш вечный гений, мальчик Шура
героя вел в последний раз.
Он видел точно – песня спета,
куплет – в куплет, строка – в строку.
И дальше этого поэта
не примечают наверху.
Он доиграл земную драму,
отмерив ямбом жизни срок.
Как лучше выйти? – Через даму.
И раствориться как дымок.
Пускай потом земля гадает,
как зная все про страсть и пыл,
он роль до пули доиграет.
Герой, которого убил.

Кыргызская стрекоза

*Поэзия – это самый дурной и неудобный способ
выразить свои мысли.*

Пушкин... как киргиз, пел вместо того, чтобы говорить.

Лев Толстой

Как все срастается на плоскости —
сюжет расчерчен по прямым.
Какой кошмар – в преклонном возрасте
почувствовать себя Толстым.
Давно пора играть с объемами,
вплетать в пространственный узор
эпохи с пестрыми коронами
восходом выкрашенных гор.
Земля из трубочки горошиной
летит в замыслимую даль
среди травы, давно некошенной
и узнаваемой едва ль.
А тут все плоскости да плоскости.
Сижу, шинкую колбасу.
Какой кошмар – в преклонном возрасте
возненавидеть стрекозу.

Россия

Я, как живой среди живущих,
не оставаясь в стороне
от войн, идущих и грядущих,
стараюсь думать о стране,
с которой сросся языками,
ноздрями, пальцами корней,
на ощупь – грязными руками,
вживаясь до последних дней.
Стране растерянной, простудной,
тиранозавровой, шальной,
мечтающей о встрече судной
с рукой божественно-стальной.
Все остальные страхи мимо
проносятся, как тени туч.
Ты потому непобедима,
что враг твой жалок и ползуч.

Кома

Ты в коме, друг мой милый, ты в коме.
И жаль, что не слышит никто нас, кроме
пера, рисующего на рулоне
бумаги
мыслей нездешних дрожь.
Ты в коме, милый друг, ты в коме —
и потому еще живешь.

О вечной жизни

Жизнь вечная даруется душе.
И вот представь, – душа твоя однажды
Окажется не просто в неглиже,
А наизнанку вывернутой дважды.
И свет не тот, который видел глаз,
И тьма не та, которая казалась.
И никого... И ничего... от нас
Тех, на земле, здесь больше не осталось.

Повторения

Я не боюсь повторов.
Пусть потом
все то же повторят,
как повторяю и я сейчас.
Пусть каждый новый голос
окрасит свет.
Пусть повторится свет.
Я не боюсь повторов.
Они сильнее, чем времени узда.
Они не терпят храмов и притворов,
им тесен мир, случившийся уже.
И потому я не боюсь повторов.
Я не боюсь приставок сладких «лже».
Пусть списком бесконечных приговоров
жизнь будет длиться, вториться, расти.
И нету зол, способных повторенье прервать.
Из одного стихотворенья,
из капли света можно воссоздать
все бывшие,
все вечные творенья.

Турецкий чай

Пока я в турке чай варил —
мои турчанки постарели.
Опять идти на Измаил?
Вы что, сдурели, в самом деле?
Так путать эти времена,
как будто только что приплыли
искать какого-то руна.
Пока турчанки чай варили.
В Египте вызрело зерно,
смешалось с горечью и солью.
Какое, черт возьми, руно?
Взмывали паруса по взморью.
Пока в Египте кофе зрел,
турчанки также чай варили.
Израиль, Измаил горел,
от крови варвары хмелели.
Носами тыкались в пески,
напарываясь дном на скалы,
не заплывая за буйки,
где ходят по морю кошмары,
меняя шкурки для эпох:
то мрак, то лед, то пламень серный,
то над землей не добрый Бог,
а зверь какой-то иноверный,
стальная длань других планет,
конец, представить только, Света!..
— Как должен вывернуться свет,
чтобы себе представить это?
А так, все было как всегда —
турчанки, чай, турецкий кофе.
Среди песка и скал вода,
луна в оливковом сиропе.

Между двух гробов

Был озадачен Моисей
на сорок лет вопросом:
Куда ему со сворой всей,
ободранной и бóсой,
готовой даже то украсть,
чего в помине нет?
Что значит здесь добро и страсть,
огонь и белый свет?
Куда вести толпу рабов,
а главное – зачем
метаться между двух гробов
и двух похожих стен?
Пускай плодятся, пусть пасут
овец и шерсть прядут.
Задача не разбить сосуд,
не проронить минут
в пустые поиски чудес,
дающих задарма
прекрасных жен, пшеницы вес,
покоя и ума.

История

История. Подзорная труба
повернута, показывая глазу
картинку, где пестрящая толпа
при уменьшении сплющивает массу
до серости шинельного пятна.
История не терпит точных хроник
(нельзя увидеть истину со дна) и требует участия посторонних,
завременных, и лучше если за пространственных зрителей.
Чем дальше – тем точнее.
Но где ж их взять? И пишут, как умея,
ее на свой, подобострастный лад
татарин, немец, русский, два еврея
для вечной славы и земных наград.
История. Я с этой бабой в ссоре.
Куда ни глянь – то пудра, то подвох.
С ней даже Пушкин нахлебался горя
и про Петра закончить в срок не смог.

История. Она на всех одна.
Но каждый видит только то, что хочет,
что выгодно, что не достать со дна
(не донырнуть). И страстный почерк прочит
забвение, венчающее смерть.
Зачем нам знать, что правых нет и битых,
что зло с добром, как зеркало с лицом.
И кто кому на самом деле корчит
какие роли, кто кого венцом
или колечком нимба наделяет?
Чем лучше бить, началом иль концом,
ведь что из них есть что – никто не знает.
Порой мне кажется, что серое пятно
умеет думать. Масса, как одно
живое существо. И, с точки зренья массы,
пусть черепашьям ходом – миг за век —
добро и зло меняются местами.
И полумесяцы становятся крестами,
кресты растут до сатанинских звезд.
Чревоугодия сменяются на пост,
а пост на тост. Священными местами
меняется буддистский храм любви
с аскетами; рубцуют до крови себя плетью
по обнаженным спинам.
И вновь отец соперничает с сыном
за первенство. И кто ж из них первой?
Тот был вчера, а этот стал сегодня.

Кто впереди? И если преисподня
страшнее неба, то зачем пути,
из праха начинаясь, в нем же вянут...
И вечный поиск признаков души,
напутствие: ступай и не греши,
и тяжесть черепа на руку оперши,
в сомнениях теряться не устанут,
как мячик теннисный, пока не канет в аут,
за ту черту, где правды нет и лжи.
За ту мечту, где будут хороши
и ласковы встречающие предки?
Невыносимее, чем жить в грудинной клетке,
помыслить о бессмертии людском.
Тут пульса стук сродни секундной стрелке,
таинственной летающей тарелки
удары рифмы по роялю вен.
Календари, долготы и широты —
когда бы Моцарт положил на ноты,
сорвались бы с линеек и орбит.
И прошлое Иванушкой из лука
пустилось бы в неведомую даль.
И хронологий круговая скука
развевалась как пьяная печаль.
Нет ничего в божественном порядке
загадочного. Мы играем в прятки
и видим прошлое линованным в квадрат.
На будущее хмуримся сердито,
так, словно там яйцо с иглой зарыто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.